

К. РАДЕК

Лев Троцкий

Праздник пятилетия Красной армии за нами¹. По его поводу появились в партийной печати сотни и тысячи статей, посвященных созданию Красной армии. Но я думаю, что все эти статьи чересчур мало ставили дело создания Красной армии в рамки развития нашей партии. В день юбилея партии можно и нужно дополнить этот недостаток и остановиться на роли в этом великом деле Льва Давидовича Троцкого.

История готовила партию к разной работе. Сколько бы ни было недостатков в нашей государственной машине, сколько бы ни было недостатков в нашей хозяйственной работе, все-таки все прошлое партии готовило ее психологически к работе по созиданию нового хозяйства и нового государственного аппарата. Даже для дипломатии нас готовила история. Незачем говорить о том, что мировая политика всегда занимала мысли марксиста. Дипломатическую технику мы вырабатывали в бесконечных заседаниях с меньшевиками, и товарищ Чичерин учился сочинению дипломатических нот в этой старой войне. Но — о, чудо! — хозяйничать мы только начинаем учиться. Государственная машина наша скрипит и спотыкается. А что у нас вышло действительно хорошо, — это Красная армия. Создатель ее, волевой центр ее, это — РКП в лице товарища Л. Д. Троцкого. Старый Мольтке², творец германской армии, высказывал часто опасение, что перья дипломатов испортят работу солдатских сабель. Воины всего мира, хотя между ними находились и классические писатели, всегда противопоставляли меч перу. История пролетарской революции доказала, как можно перековывать

перья в мечи. Троцкий — один из лучших писателей мирового социализма, и ему эти литературные качества не помешали быть первым вождем, первым организатором первой армии пролетариата. Перо лучшего своего публициста революция перековала в меч.

Литература научного социализма мало дала Троцкому для решения задач, перед которыми поставила партию и Советскую Россию опасность со стороны мирового империализма. Если пересмотреть всю социалистическую литературу перед войной, то за исключением нескольких малоизвестных работ Энгельса и нескольких глав в прекрасной книге Меринга о Лессинге, посвященных военной работе Фридриха Великого, в мировой литературе социализма существовало только четыре сочинения на военные темы: брошюра Августа Бебеля о милиции, книга капитана Гастона Мокка о милиции, двухтомная история войны Шульца и книга Жореса, посвященная пропаганде идеи милиции во Франции. За исключением книг Шульца и Жореса, имеющих большую ценность, все что появлялось в социалистической литературе после смерти Энгельса на военные темы, было плодом полнейшего дилетантизма. Но и работы Шульца и Жореса не отвечали на те вопросы, перед которыми стала русская революция.

Книга Шульца давала схему развития форм стратегии и военной организации в продолжение столетий. Она была попыткой применения марксистского метода исследования истории к войне и кончалась на наполеоновских временах. Книга Жореса, полная размаха и блеска, обнаружившая прекрасное знакомство с проблемами военной организации, страдала тем основным пороком, что этот гениальный представитель реформизма хотел капиталистическую армию сделать орудием национальной защиты, освободив ее от функций орудия защиты классовых интересов буржуазии. Поэтому он не был в состоянии понять тенденции развития милитаризма и в вопросе о войне, в вопросе об армии довел идеи демократии до полнейшего абсурда.

Я не знаю, насколько перед войной товарищ Троцкий занимался вопросами военной теории. Я думаю, что толчок для гениального понимания этих вопросов он получил не из книг, а тогда, когда во время Балканской войны он как корреспондент присматривался к этой репетиции мировой войны. Вероятно, он углубил свое понимание механизма войны, механизма армии, будучи во время

войны во Франции и составляя свои блестящие очерки войны для «Киевской мысли».

По этой работе видно уже, как великолепно он понимал душу армии. Марксист Троцкий видел не только внешнюю дисциплину армии — пушку, технику, — а он видел живых людей, обслуживающих орудия войны, видел шеренги,двигающиеся на поле сражения. Троцкий — автор первой брошюры, дающей широкий анализ причин падения Интернационала; Троцкий в момент этого величайшего падения Интернационала не потерял веры в будущее социализма, наоборот, он был глубоко убежден, что те свойства, которые буржуазия пытается для своей победы воспитать в пролетарии, одетом в шинель, — что эти качества обернутся скоро против буржуазии и будут основой не только революции, но и создания революционных армий. Одним из замечательнейших документов этого его понимания классового строения армии, понимания души армии, является его речь по поводу июльского наступления Керенского, произнесенная, кажется, на I съезде Советов или в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. В этой речи Троцкий предсказывает крушение наступления, предсказывает его не на основании известий о состоянии военной техники на фронте, а на основании анализа политического состояния армии. «Вы, — говорил он, обращаясь к меньшевикам и эсерам, — требуете от правительства пересмотра целей войны. Вы этим говорите армии, что старые цели, во имя которых царизм и буржуазия требовали неслыханных жертв, не отвечают интересам русского крестьянства и русских рабочих. Вы не добились пересмотра целей. На место царя и отечества вы не поставили ничего, и вы требуете от армии, чтобы она во имя этого ничего пошла в тяжелый бой, проливать свою кровь. Во имя ничего нельзя бороться. И ваша авантюра кончится разгромом». В этой постановке вопроса, сделанной Троцким, вся тайна величия Троцкого как организатора Красной армии.

Все великие военные писатели подчеркивали громадное значение, решающее значение морального фактора войны. Половина бессмертной книги Клаузевица³ посвящена этому вопросу. И вся победа наша в гражданской войне основана на том, что Троцкий сумел эту науку о значении моральных факторов войны применить на деле. Когда гибла старая царская армия, военный министр правительства Керенского Верховский⁴ предлагал отпустить все более

старые возрасты, сократить тыловые учреждения и влить в армию новый, молодой элемент. Когда мы пришли к власти и когда окопы оказались пустыми, многие из нас предлагали то же самое. Но эти идеи были полны утопий. Нельзя было в бегущую царскую армию вливать новые силы. Две эти волны друг друга перерезали и распыляли. Старая армия должна была умереть; новая могла быть создана только на почве тревоги, охватившей Советскую Россию, рабочего и крестьянина, за завоевания революции. Когда в апреле 1918 года в кабинете у товарища Подвойского собрались лучшие из бывших царских офицеров, которые не бросили рядов армии после нашей победы, дабы совместно с нашими товарищами и с рядом военных представителей союзников разработать план организации армии, Троцкий — я помню, великолепно помню эту сцену — в продолжение многих дней прислушивался к их планам молча. Это были планы людей, не понимающих переворота, на их глазах происшедшего. Каждый из них отвечал на вопрос о том, как создать армию по-старому. Они не понимали перемен, которые произошли в человеческом материале, на котором строится армия. Выслушав все предложения, Троцкий выдвинул собственное: создание добровольческой армии. Пока что военные молчали, но считали это бесполезной затеей. Старик Борисов⁵, считающийся одним из лучших военных писателей, сто раз убеждал меня и товарища Антонова-Овсеенко, принимавших участие в редакции «Военного дела», что ничего из этого предприятия не выйдет, что армия может быть построена только на началах общеобязательности, на началах железной дисциплины. Он не понимал, что добровольческие отряды были столбами, вбиваемыми в землю; вокруг которых должен укладываться кирпич, что крестьянина и рабочую массу можно будет только тогда снова призвать под военные знамена, когда опасность смерти будет смотреть в глаза народным массам. Ни на минуту не допуская мысли, что добровольческая армия может спасти Россию, Троцкий строил ее как аппарат, нужный ему для создания новой армии. Но если уже в этом выражался организаторский гений Троцкого, смелость его мысли, то еще более яркое выражение она нашла в мужественном его подходе к идее использования военных специалистов для строения армии. Всякий хороший марксист понимал великолепно, что для постройки нового хозяйственного аппарата нам все-таки нужны старые капиталистические организаторы.

В своей апрельской речи 1918 года о задачах Советской власти Ленин выдвинул эту идею с полной настойчивостью. В зрелых кругах партии она вообще не оспаривалась. Но идея, что мы можем создавать орудие принуждения, орудие защиты республики, каковым является армия, при помощи офицеров старого режима, встречала сильнейшее сопротивление. Как можно вооружать только что разоруженных белых офицеров? — спрашивали многие товарищи. Я помню дискуссию по этому поводу в редакции «Коммуниста», органа так называемых левых коммунистов, где по поводу вопроса об использовании кадровых офицеров чуть не произошел раскол. Для того чтобы добиться ясного решения по этому основному пункту, мне пришлось поставить вопрос о выходе из редакции. А ведь редакция этого органа включала ряд наиболее образованных теоретиков и практиков партии: достаточно назвать Бухарина, Осинского, Ломова, В. Яковлеву⁶. Еще сильнее было неверие в широких кругах наших армейских практиков, вышедших из военной организации, созданной нами во время войны в процессе разрушения царской армии. Только пламенная вера Троцкого в нашу социальную силу, вера в то, что мы сумеем взять у военных специалистов науку и не позволим им навязывать нам свою политику, вера в то, что революционная бдительность передовиков рабочих победит все контрреволюционные козни кадровых офицеров, могла переломить недоверие наших военных работников и научить их использовать силы кадрового офицерства. Чтобы выйти практически победителем в этом вопросе, нужно было, чтобы во главе армии стоял человек с железной волей, к которому имела бы полное доверие не только партия, но железной воле которого подчинялся бы и враг, принужденный служить нашему делу. Товарищ Троцкий не только сумел, благодаря своей энергии, подчинить себе бывшее кадровое офицерство, — он достиг большего. Он сумел завоевать себе доверие лучших элементов специалистов и превратить их из врагов Советской России в ее убежденных сторонников. Я наблюдал одну из таких побед Троцкого еще во время брестских переговоров. Военные, которые с нами были в Брест-Литовске, относились к нам более чем сдержанно. Они из-под палки выполняли роль экспертов, думая, что они присутствуют при комедии, прикрывающей давно состоявшуюся сделку большевиков с германским правительством. Но по мере того как товарищ Троцкий развертывал борьбу во имя

принципов русской революции против германского империализма, по мере того как в зале заседания всякий человек почувствовал моральную и идейную победу этого славного представителя русского пролетариата, по мере того как развивалась великая брест-литовская драма, недоверие к нам военных специалистов таяло с каждым днем. Я помню ночь, когда пришел ко мне в комнату покойный адмирал Альтфатер⁷, один из первых офицеров старой армии, который начал не за страх, а за совесть помогать Советской России, и сказал мне просто: «Я приехал сюда, потому что был принужден. Я вам не верил, теперь буду помогать вам и делать свое дело, как никогда я этого не делал, в глубоком убеждении, что служу родине».

Одна из величайших побед Троцкого состоит в том, что он сумел людям, пришедшим к нам по принуждению из вражеского лагеря, внушить убеждение, что Советское правительство есть правительство, борющееся за благо русского народа. Понятно, что эта великая победа на внутреннем фронте, эта моральная победа над противником была не только результатом железной энергии Троцкого, внушающей всем уважение, не только результатом глубокой моральной силы, великого умственного, даже военного авторитета, который умел завоевать себе этот социалистический писатель и трибун, поставленный волею революции во главе армии; для этой победы была необходима и самоотверженность десятков тысяч наших товарищей в армии, железная дисциплина в наших рядах, последовательность, с которой мы шли к своей цели, — для этого нужно было чудо массы, которая, вчера сбежавши с фронта, сегодня при гораздо более тяжелых условиях снова стала на защиту страны. Это влияние массовых психологических и политических элементов само собою понятно, над их созданием работала вся партия, но оно находило самое сильное, самое концентрированное и, так сказать, сокрушительное выражение в лице Троцкого, которому партия доверила военное дело. Русская революция действовала тут через мозг, через нервную систему и сердце этого великого своего представителя. Когда началось первое наше вооруженное испытание — с чехословаками, — партия и с ней ее вождь Л. Д. Троцкий показали, как можно применить принцип политических кампаний, которому уже учил Лассаль, к вооруженной борьбе, к борьбе аргументами из стали. Мы сосредоточили все свои силы, материальные и моральные, на войне. Необходимость этого пони-

мала вся партия. Но эта необходимость находит снова в стальной фигуре Троцкого свое высшее выражение. После нашей победы над Деникиным в марте 1920 года Троцкий на съезде партии сказал: «Мы ограбили всю Россию, чтобы победить белых»⁸. В этих нескольких словах выражено все неслыханное сосредоточение воли, которая нужна была для победы. Нужен был человек, который был бы воплощенным призывом к борьбе, который, вполне подчинив себя необходимости этой борьбы, стал бы колоколом, зовущим к оружию, волей, требующей от всех безусловного подчинения великой кровавой необходимости. Только человек, так работающий, как Троцкий, только человек, умеющий так говорить солдату, как говорил Троцкий, — только такой человек мог сделаться знаменосцем вооруженного трудового народа. Лучше всего характеризует это объединение стратега и военного организатора с политиком тот факт, что при всей этой тяжелой работе Троцкий находил в себе достаточно чуткости, чтобы понять значение для войны Демьяна Бедного или художника Моора⁹. Наша армия была крестьянской армией, диктатура пролетариата в ней, то есть руководство этой крестьянской армией рабочими и представителями рабочего класса, осуществлялась партией в лице Троцкого и работающих с ним товарищей и осуществлялась в первую очередь таким образом, что Троцкий сумел при помощи всего аппарата нашей партии внушить крестьянской армии, усталой от войны, глубочайшее убеждение в том, что она борется за свои интересы.

Троцкий работал со всей партией над делом создания Красной армии. Он не выполнил бы своей роли без партии. Но без него создание Красной армии и ее победы требовали бы во много раз больше жертв. Если наша партия войдет в историю как первая партия пролетариата, которая сумела построить великую армию, то эта блестящая страница истории русской революции будет навсегда связана с именем Льва Давидовича Троцкого как человека, труд и дело которого будут предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию всего мира¹⁰.

